

МЕСТО ТВОРЧЕСТВА И. АННЕНСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ОЦЕНКЕ Г. АДАМОВИЧА

Статья посвящена анализу публикаций Г. Адамовича, которые представляют оценку места И. Анненского в литературе Серебряного века. И. Анненский был примером для молодых поэтов, загадочной и таинственной личностью своего времени. Значительное количество публикаций Г. Адамовича, которые посвящены творчеству И. Анненского, стали поводом для этой публикации, которая констатирует высокую оценку критиком поэта. Г. Адамович считает его творчество важной страницей в литературе Серебряного века. Критик ставит имя поэта в один ряд с авторитетами символизма, настойчиво определяя его место среди них. Главная цель критических оценок Адамовичем поэзии Анненского заключается в популяризации его творчества, в стремлении определить его ведущее место в русской литературе начала XX века.

Ключевые слова: рецепция; репрезентация; Серебряный век; символизм.

В литературном процессе рубежа XIX–XX веков особое место принадлежит И. Анненскому. И. Анненский – поэт, критик, переводчик, который при жизни не получил признания читателей и критиков. Однако довольно много внимания уделил ему Г. Адамович, большинство исследований которого остались без внимания. Обращение к оценке творчества в контексте литературы Серебряного века определяет актуальность нашей публикации.

Цель публикации – проанализировать представление о месте творческого наследия И. Анненского в художественном наследии Серебряного века посредством рецепции Г. Адамовича. Основными задачами при этом являются: обзор репрезентации данного вопроса в современном литературоведении; анализ критического наследия Г. Адамовича с точки зрения особенности восприятия в нём творчества И. Анненского; определение роли И. Анненского в развитии литературы Серебряного века посредством критики Г. Адамовича.

Многие поэты Серебряного века считали И. Анненского своим учителем. Достаточно вспомнить, что близкий Адамовичу Н. Гумилёв непосредственно учился у него, поскольку окончил Николаевскую Царскосельскую гимназию, директором которой в то время был Анненский. Анна Ахматова также считала себя его ученицей, в разговоре с Л. К. Чуковской она констатировала: «Убедена, что Анненский должен занять в нашей поэзии такое же почётное место, как Баратынский, Тютчев и Фет... Иннокентий Анненский не потому учитель Пастернака, Мандельштама и Гумилёва, что они ему подражали, – нет, о подражании не может идти речи. Но названные поэты уже содержались в Анненском» [5, с. 257]. Анненский был близок и Г. Адамовичу, который создал «культ И. Анненского среди молодых поэтов эмиграции» [1, с. 303]. По мнению О. Коростелева стилистика «Литературных бесед» Г. Адамовича «заставляет вспомнить критическую прозу И. Анненс-

кого, Розанова и Блока. С. Маковский как-то заметил, что «у Анненского на все – свой взгляд, ни для кого не обязательный, конечно, но всегда искушающий новым глубочайшим смыслом, каким бы неожиданным и надуманным он ни казался на первое впечатление». То же можно было бы сказать и об Адамовиче. Когда он о ком-нибудь говорит, важна не оценка, которая может быть и не очень объективной, важно, что он часто говорит такие вещи, которых кроме него не сказал бы никто» [1, с. 9]. Все это свидетельствует о важности изучения критических оценок Адамовичем творческого наследия Анненского на страницах парижского «Звена», однако современное литературоведение обходит стороной данную проблему. Поэтому цель нашей статьи заключается не только в рассмотрении статей и заметок Адамовича об Анненском, но и определении причин интереса критика русского зарубежья к творчеству поэта-символиста.

За годы своей литературно-критической деятельности в период эмиграции Адамович, помимо частых отсылок к творческому наследию Анненского в различных, непосредственно не относящихся к поэту-символисту рецензиях, написал несколько фундаментальных работ о нем, в частности, статью «Иннокентий Анненский», опубликованную в июльском номере парижского «Звена» в 1924 году. Она стала первой публикацией о нем в эмиграции.

Статью Г. Адамович начинает с описания похорон поэта: «Пятнадцать лет тому назад, хмурым, пронзительно-холодным осенним утром в Царском Селе хоронили Иннокентия Анненского» [1, с. 42]. На наш взгляд, уже первое предложение статьи настраивает читателя на определенное восприятие поэзии И. Анненского, которому, безусловно, близки меланхолические, грустные настроения. Критик подчеркивает, что в журнале «Аполлон» молодые петербургские поэты «к нему прислушивались и его ценили», не смотря на то, что «были удивлены и захвачены его странной, над-

менно-замкнутой, почти таинственной личностью, его причудливым разговором» [1, с. 42]. По мнению Г. Адамовича, сборник «Тихие песни» никто не читал, поскольку он вышел в те годы, когда «столько выходило новых сборников и все эти стихи были так крикливы и, казалось, так необыкновенны, что книга Анненского прошла незамеченной» [1, с. 42]. Но посмертное издание книги И. Анненского «Кипарисовый ларец» полностью изменило представление о нем. Это «одна из драгоценных книг нашей литературы. Не получив до сих пор настоящей большой известности, «Кипарисовый ларец» тем дороже стал для тех, кто его прочел и понял. Для этого узкого круга Анненский уже не был талантливым и чудаковатым поэтом-дилетантом, каким его считали при жизни. Все молчаливо, но с глубоким убеждением согласилось, что после Тютчева у нас не было ничего прекраснее и значительнее. Любимейшие из русских символистов, Сологуб и Блок, как-то померкли перед ним, – уступили ему первое место» [1, с. 42]. Эти слова о последней книге Анненского перекликаются с точкой зрения многих поэтов, впоследствии считавших себя его учениками, в частности, Ахматова в «Записных книжках» писала: «Величайшим событием считаю выход «Кипарисового ларца», который я прочла еще в корректуре в брюлловском зале Русского музея» [3 с. 79]. Важно отметить, что «Кипарисовый ларец» стал отправной точкой для переосмысления Анной Ахматовой творческих задач, не случайно поэтесса писала, что благодаря книге, она «что-то поняла в поэзии». Обратим внимание, что Г. Адамович ставит И. Анненского в один ряд с Ф. Тютчевым и считает его выше А. Блока и Ф. Сологуба, то есть отдает ему первое место среди русских символистов. И эта оценка не раз прозвучит в других его работах.

Критик передает свои впечатления от «Кипарисового ларца», признаваясь, что «даже зная наизусть почти всю книгу нельзя без волнения перелистать ее» [1, с. 42]. Стихотворения Анненского стали отражением долгого одиночества поэта, которое рождает палитру разных чувств: «скрытая гордость, надежды, обида на жизнь, любовь, не нашедшие выхода» [1, с. 43]. Одиночество проявилось и «в своеобразии манеры и в некоторой старомодности техники, очень сложной и богатой, но иногда примитивно-ошибочной со школьной точки зрения» [1, с. 43]. Анненский, считает критик, был настоящим выразителем эпохи декаданса: «Одиноким и независимым, он был ее истинным сыном и в нем была органической та «усталость», которая для других поэтов была лишь литературной позой, случайной и заимствованной» [1, с. 43]. Эту связь с декадансом критик определяет, как «общеευропейские ноты» поэзии Анненского, подчеркивая, что в его стихотворениях живет и Россия «с Чеховым и с смутными русскими предчувствиями того времени» [1, с. 43].

Г. Адамович считает, что «чувство неудержимой жалости к людям, почти гоголевские образы человеческой нищеты и убожества» делают творчество поэта-символиста неповторимым, поскольку соединяя декадентский эстетизм, любовь к античности и сочувствие к людям, он сумел избежать художественных излишеств. «Анненский любил слово сердце: у него оно разрывалось от «ужаса и жалости» при виде жизни и это дало

тон всей его поэзии, – отмечает критик. – Но как настоящий художник Анненский был душевно-целомудрен, стыдлив и скуп. Его стихи не превратились в сплошной плач, в музыку Чайковского. Прелесть его поэзии в сдержанности» [1, с. 43]. Эти слова о сдержанности поэзии Анненского в статье не случайны: отдавая дань уважения поэту-символисту, критик отмечает те черты его поэтики, которые были близки поэзии «парижской ноты» Адамовича. Поэтому закономерна и вторая доминанта творчества Анненского – безнадежность (о ней писал и Б. Поплавский: «Существует только одна парижская школа, одна метафизическая нота, все время растущая – торжественная, светлая и безнадежная») [4] «Никакое просветление не было ведомо Анненскому. Кажется, он ни во что не верил и ничего не ждал. Но тем пристальнее вглядывался он в мир, тем яснее различал в нем мельчайшие его черты» [1, с. 43].

Таким образом, в первой эмигрантской статье об И. Анненском Г. Адамович стремится привлечь современного читателя к его творчеству и подчеркивает те черты поэтики символиста, которые близки и ему самому и которые в дальнейшем стали определяющими для созданной им поэзии «парижской ноты».

Г. Адамович не только оценивает поэзию И. Анненского, для него важно обратить внимание читателя на творческую лабораторию поэта, показать, каким образом создавалось произведение, которое он высоко оценивает. В статье «Н. Тихонов – С. Есенин» он приводит историю создания «Баллады» И. Анненского, о которой ему рассказал другой ученик поэта Н. Гумилев: «Анненский, написав свою знаменитую «Балладу» – одно из самых пронзительных и «безнадежных» своих стихотворений, – долго над ней мучился, долго был неудовлетворен. Ему казалось, что «что-то в ней не вышло». Он без конца перечитывал стихи, они ему не нравились. Однажды, встретив Гумилева, Анненский прочел ему измененную «Балладу» и сказал:

– Кажется, теперь хорошо...

Гумилев с удивлением услышал, что второй и последней строфе уничтожены рифмы. Только в этом и заключались поправки Анненского. Но именно они и дали «Балладе» ее тон... Вторая строфа «леденит» душу» [1, с. 255]. Таким образом, обращаясь к этой истории (как пишет Адамович, «удивительному случаю»), и здесь для определения авторского отношения важно слово «удивительный»), критик показывает, что для Анненского была характерна работа над словом, мучительные поиски формы, а это именно та позиция, которая была близка самому Адамовичу, продолжателю гумилевских поэтических цехов.

В других статьях критик также проводит параллели с творчеством И. Анненского. Так, он видит следы влияния поэта-символиста в стихотворениях Б. Божнева, подчеркивая это только одним предложением: «Вячеслав Иванов назвал, кажется, последователей Анненского «скупыми нищими» жизни. Эти слова применимы к Божневу» [1, с. 99]. Здесь критик демонстрирует не только понимание поэзии символиста, но и знание его рецепции другими, а это, на наш взгляд, свидетельствует о том особенном отношении к Анненскому, о котором говорили современники Адамовича. Статья о Мандельштаме 1925 года – еще один пример привлечения

имени Анненского для оценки творчества. Критик сопоставляет поэзию Мандельштама со стихотворениями его современников, подчеркивает: «Блок непосредственней и мягче его, у Анненского больше горечи, остроты и иронии, Ахматова проще и человечней» [1, с. 140].

Г. Адамович во многих рецензиях упоминает имя Анненского, показывая таким образом собственные литературные пристрастия и способствуя популяризации его творчества. Критик и сам осознавал это, не случайно, рассматривая поэзию Н. Ушакова, он иронично ответил тем, кто упрекает его в излишнем обращении к имени поэта-символиста: «Мне недавно пришлось слышать упрек, будто я влияние Анненского вижу везде и всюду и вообще переоцениваю его значение. Думаю, что упрек этот – несправедливый. Медленно и верно Анненский овладевает сознанием русских поэтов. Незамеченный современниками, он воскресает для потомков. Говорят: Анненский – отравка. Ничего! Сладкой водичкой поэзия никогда не была, а от яда она еще никогда не умирала» [2, с. 152]. То есть в этой фразе Адамович признает свое намеренное стремление привлечь внимание и читателей, и поэтов к творческому наследию Анненского. Это благородное стремление, на наш взгляд, принесло свои положительные плоды: не оцененный при жизни, он получил заслуженное признание после смерти, его книги переиздаются, о нем пишут научные исследования, – и все это результат усилий его учеников, соратников, среди которых был и Г. Адамович.

Поэтому не случайно имя И. Анненского стало для Г. Адамовича определяющим в истории литературы Серебряного века. Его творчество, наряду с произведениями других признанных авторитетов этого периода, составило картину поэзии начала XX столетия: «В русской поэзии был недавно героический период: Брюсов, Анненский, Гиппиус, Сологуб и еще несколько поэтов. Называйте этот период декадентским или эстетическим – как угодно. Но это был период высокого подъема. Подлинно, в эти годы в искусстве мелькнули берега какой-то новой Америки. Нельзя безнаказанно забыть все это, ликвидировать» [1, с. 218]. Обратим внимание, что здесь критик, ставя имя неопределенного поэта в один ряд с авторитетами символизма, настойчиво определяет и его место среди них. В другой статье Адамович, с горечью констатируя уход из жизни столпов Серебряного века и завершение расцвета русской поэзии, тоже называет Анненского, причем отводит ему первое место: «И вот Брюсов умер. Умолк другой «соратник», Вячеслав Иванов. Умер Врубель. Умер Скрябин. Умер Блок, Адонис русского символизма, искупительная жертва его, его «краса и очарование», по слову Анненского. Умер сам Анненский, «поэт в поэтах первый» [2, с. 88].

Таким образом, главная цель критических оценок Адамовичем поэзии Анненского заключается в популяризации его творчества, в стремлении определить его ведущее место в литературе Серебряного века. Перспективы нашего исследования заключаются в рассмотрении влияния Анненского на поэзию «парижской ноты», создателем которой был Адамович.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович Г. В. Литературные беседы. Книга первая («Звено» : 1923–1926) / Георгий Адамович. – СПб. : Алетей, 1998. – 375 с.
2. Адамович Г. В. Литературные беседы. Книга вторая («Звено» : 1926–1928) / Георгий Адамович. – СПб. : Алетей, 1998. – 302 с.
3. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). – М. – Турин : Giulio Einaudi editore, 1996. – 873 с.
4. Поплавский Б. Доклады. Наброски выступлений / Б. Поплавский // Новый журнал. – 2008. – № 253 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nj/2008/253/po18.html>.
5. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой / Л. К. Чуковская. – СПб. : Журн. Нева ; Харьков : Фолио, 1996. – Т. 1. 1938 – 1941. – 288 с.

Лі Ялінь,

Луганського національного університету імені Тараса Шевченка,
м. Старобільськ, Україна

МІСЦЕ ТВОРЧОСТІ І. АННЕНСЬКОГО В ЛІТЕРАТУРІ СРІБНОГО СТОЛІТТЯ В ОЦІНЦІ Г. АДАМОВИЧА

Стаття присвячена аналізу публікацій Г. Адамовича, які репрезентують оцінку місця І. Анненського в літературі Срібного століття. І. Анненський був прикладом для молодих поетів, загадковою і таємничою особистістю свого часу. Значна кількість публікацій Г. Адамовича, що присвячені творчій постаті І. Анненського, стали підставою для цієї розвідки, яка констатує високу оцінку критиком поета. Г. Адамович окреслив його творчість як важливу сторінку в літературі Срібного століття. Критик ставить ім'я поета, що не був адекватно оцінений сучасниками, в один ряд із авторитетами символізму, наполегливо визначаючи його місце серед них. Головна мета критичних оцінок Г. Адамовичем поезії Анненського є популяризація його творчості, прагнення наголосити на його провідній ролі в російській літературі початку XX століття.

Ключові слова: рецепція; репрезентація; Срібне століття; символізм.

**THE PLACE OF WORKS BY ANNENSKIY IN LITERATURE
OF «SILVER AGE» FROM PERSPECTIVE OF ADAMOVICH ASSESSING**

It is analyzed the Adamovich' publications, which are devoted to the role of Annenskiy in literature of Silver Age. Giving frequent references to Annenskiy creative heritage by means of different unrelated for a poet-symbolism reviews, the author wrote some fundamental works, where «Innokentiy Annenskiy» (1924) is the most one. It was the first publication about Annenskiy in migration. Adamovich accents those young poets from Saint Petersburg, who listened and appreciated him, were surprised and captured by his strange, arrogantly closed, almost mysterious personality and his bizarre conversation. The aim of the article is the realization of analysis of the place of works by Annenskiy in literature of «Silver Age» from perspective of Adamovich assessing. The name of Annenskiy has become determinant in history of literature of Silver Age for Adamovich. His works, along with the works of other recognized authorities of that period, formed the poetry picture of the early twentieth century that has not been studied in modern literary criticism absolutely. So, it defines the scientific novelty of our publication. The critic, puts the poet unappreciated name in a line with the authorities' names of symbolism, strongly defines his place among them. The main objective of Adamovich' critical assessments of the poetry by Annenskiy are in the promotion of his work, in an effort to determine his leading position in literature of the Silver Age. The prospects of our investigation are to review Annenskiy impact on the poetry of «Parisian note», which was created by him.

Key words: reception; representation; Silver Age; symbolism.